

Петр Гуляр

Забывтое королевство

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6278160

*Гуляр, П. Забытое королевство : Астрель : CORPUS; Москва; 2012
ISBN 978-5-271-45451-6*

Аннотация

В юности Петр Гуляр бежал в Китай от Октябрьской революции и до конца своих дней жил в странах Востока. Как путешественник он прославился исследованием далеких и неизведанных (с точки зрения европейца середины XX века) уголков азиатского мира, а как писатель – удивительными книгами об этих краях. Главный и самый известный его труд – о древнем королевстве Лицзян, притаившемся в горах на границе Тибета и китайской провинции Юньнань. Там Гуляр девять лет жил и работал среди местных народов и племен, о которых даже их ближайшие соседи, китайцы, почти ничего не знали. Уникальные этнографические данные, изложенные просто и выразительно, позволяют нам своими глазами увидеть прекрасное загадочное место, которое автор горячо любил и всерьез считал раем на земле. В 1949 году из рая его изгнали, но в “Забывтом королевстве” Гуляр сохранил Лицзян для потомков таким, каким он был до пришествия коммунистов. И благодаря этой книге тот, прежний Лицзян все еще можно найти.

Содержание

Предисловие	5
Глава I	11
Глава II	18
Глава III	32
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Петр Гуляр

Забытое королевство

Эта книга посвящается доктору Джозефу Ф. Року

© 1957 by Peter Goullart

© А. Пономарева, перевод на русский язык, 2012

© А. Бондаренко, оформление, 2012

© ООО «Издательство Астрель», 2012

Издательство CORPUS ®

Предисловие

Я родился в России пятьдесят с лишним лет назад. Потрясения, охватившие мир в начале столетия, застали меня в самом раннем возрасте и принесли с собой настолько внезапные и бурные перемены, что свою жизнь я всегда воспринимал скорее как череду многочисленных, почти ничем не объединенных жизней, нежели как логичный и упорядоченный процесс. Несмотря на прошедшие годы, я сохранил яркие воспоминания о детстве. Отец умер, когда мне было два, и поскольку я был единственным ребенком, мать полностью посвятила себя заботе обо мне. Она была необычайно разумной, чувствительной женщиной, глубоко интересовалась литературой, музыкой и красотой природы. Я всегда ощущал, что с родственниками ее почти ничего не связывало, поскольку никто из них не мог сравниться с ней в умственных способностях и разделить широту ее взглядов. Она писала стихи и картины, обладала медиумическим даром; все это отдаляло ее, а впоследствии и меня, от других членов семьи. В круг ее друзей входили выдающиеся ученые и философы той эпохи, и это, вероятно, повлияло на то, каким образом меня обучали – многим казалось странным, что обучался я у частных преподавателей, среди которых были философ и теософ. Хотя тогда я был еще совсем ребенком, я прекрасно помню и нашу бурлящую московскую жизнь, и более тихую и изысканную атмосферу, окружавшую нас в Париже.

Еще в детские годы я начал интересоваться Востоком, в особенности Китаем, Монголией, Туркестаном и Тибетом. Должно быть, этот интерес был у меня врожденным – и, несомненно, со стороны матери. Ее отец и дед на протяжении предыдущего столетия были великими, прославленными купцами, водившими караваны в Кобдо, Кяхту и даже далекий Ханькоу за китайскими чаями и шелками. Они странствовали по всей Монголии, покупая и продавая скот, и вели с Тибетом торговлю пряностями, мускусом и шафраном. К моменту моего появления на свет все это ушло в прошлое, и единственным свидетелем тех славных дней оставалась моя бабушка с материнской стороны, Пелагея, дожившая до весьма преклонного возраста – девяноста семи лет. Долгими зимними вечерами она рассказывала мне длинные истории о том, как ее муж и его отец путешествовали в Китай, Монголию и другие сказочные страны, где когда-то правили пресвитер Иоанн и Чингисхан. Затаив дыхание, я слушал ее рассказы и разглядывал старые расписные коробки из-под чая, на которых прелестные китайки угощали этим напитком из хрупких фарфоровых чашек бородатых мандаринов с веерами и в богатых головных уборах. Коробки украшали надписи наподобие “Ароматный чай Хун-мэнь”, и в нагретом воздухе бабушкиной комнаты еще витал слабый аромат этих чаев. В длинных сундуках вдоль стен хранились странные одежды из Монголии и Тибета, а в углу стояли монгольские самовары, которыми пользовались в дороге караванщики. Я до сих пор вижу, словно наяву, шаманские бубны и флейты, висевшие на стенах. Больше от тех поездок не осталось ничего, в том числе и записей – сами купцы давно умерли.

Бабушке Пелагее посчастливилось умереть незадолго до революции – она к тому времени наполовину ослепла и не могла ходить, но в ее рассказах о прекрасном прошлом всегда чувствовался ясный ум. Потом пришла революция. Мне до сих пор больно об этом вспоминать – нет нужды рассказывать о тех событиях здесь, они и без того хорошо описаны. Мы с матерью твердо вознамерились покинуть Россию. Мы поспешно сели на поезд, шедший в Туркестан, – и обнаружили Самарканд и Бухару в объятиях кровопролитного террора. Дороги, ведущие в Среднюю Азию, были перекрыты. Пришлось вернуться в Москву, но там за время нашего отсутствия стало еще хуже. Мы бежали во Владивосток, где прожили год. К тому же, пока мы были в дороге, случился знаменитый мятеж Чехословацкого корпуса, так что путешествие растянулось на несколько месяцев. Не стану пересказывать здесь все опасности и ужасы, пережитые нами по пути. Наконец мы добрались до Шанхая.

В 1924 году умерла мать; горе утраты казалось мне невыносимым. В тоске я отправился к знаменитому Западному озеру поблизости от Ханчжоу, где по невероятно счастливой случайности повстречал монаха-даоса. Мы тут же подружились – к тому времени я уже овладел китайским, – и он отвел меня в свой монастырь, расположенный на вершине горы в нескольких километрах от города. Там мой новый друг окружил меня поистине братской заботой, а настоятель монастыря принял меня с невероятной чуткостью. С их помощью я, словно по волшебству, нашел душевный покой, и сердце мое начало исцеляться.

С тех пор я несколько лет регулярно посещал монастырь, при любом удобном случае сбегая туда из Шанхая, где я поначалу зарабатывал на жизнь, работая в коммерческих фирмах экспертом по китайским древностям, нефриту и редким сортам чая. Позднее, в 1931 году, я поступил на работу в компанию “Американ Экспресс” в качестве гида и сопровождал клиентов самого разного рода в поездках по Китаю, Индокитаю и Японии.

Возможно, идея, что молодой человек, сотрудник знаменитой туристической компании, отдыхал в даосских монастырях, вдали от ярких огней “Парижа Востока”, покажется кому-то странной, однако именно необычайная оживленность ночной жизни Шанхая, без знакомства с которой не обходилась ни одна экскурсия, заставляла меня искать убежища в монастыре, где я восстанавливал душевное равновесие, самообладание и силы.

Всего через несколько дней после того, как я поступил на службу в “Американ Экспресс”, один американский миллионер с женой и свояченицей ангажировали меня для поездки в Пекин. Первым делом миллионер поручил мне закупить достаточное количество вина и еды, чтобы хватило на всю поездку, и, к моему смущению, вручил мне десять тысяч долларов китайскими деньгами. Распихать их по карманам стоило немалого труда. Я нагрузил одну из кают двумя дюжинами ящиков шампанского, всевозможными фруктами и консервированными деликатесами. К сожалению, стоило нам выйти в море, как начался шторм; пароход сильно качало. Несколько ящиков развалилось, и когда дверь каюты распахнулась, бутылки покатались во все стороны по кают-компании и проходам, с оглушительными хлопками разбиваясь о стены. Весельчака-миллионера это весьма позабавило, так что моя первая экскурсия, как ни странно, поспособствовала тому, что за мной закрепилась репутация приятного спутника и гида.

В числе моих клиентов был также и эксцентричный американский летчик семидесяти пяти лет от роду с длинной белой бородой, которая доставала ему почти до колен. Он часто выхватывал из кармана пропеллер и восклицал: “Я – авиатор!” Это был настоящий чудак, посвятивший себя поискам восточного рая на земле. С ним мы полетели в Ланьчжоу на маленьком грузовом “юнкерсе” – в те годы китайское воздушное сообщение только зарождалось. Затем мы поехали в Пекин, где старик-авиатор пугал остальных экскурсантов, крутя у них перед носом своим мини-пропеллером со словами: “Я летаю, летаю, понимаете?” Он зафрахтовал самолет, чтобы полететь к Великой стене, взял с собой нескольких репортеров и снабдил пилота-немца какими-то тайными инструкциями. Самолет вертелся в воздухе и нырял так, что Великая стена оказывалась то внизу, то сверху, а иногда казалось, мы вот-вот заденем ее крылом. Так мы посмотрели на Великую стену весьма необычным образом. Репортеры сидели зеленые, как трава.

В те годы я много путешествовал: помимо рутинных экскурсий и летних круизов, мне приходилось совершать и более необычные поездки. До Второй Японской войны жизнь в Китае была весьма приятной. Я также путешествовал и по собственной инициативе, всегда останавливаясь в даосских монастырях благодаря знакомствам моего друга с Западным озером. Я провел немало времени в Сиани, столице прославленной династии Тан, и в Дуньхуане, старой крепости той эпохи. Я часто говорил со своим духовным наставником, настоятелем монастыря, о своем желании поехать на запад Китая, в дальние тибетские провинции, так мало известные и китайцам, и иностранцам, но он всегда отвечал, что время еще

не пришло. Позднее, когда японцы снова заняли Пекин и часть Шанхая, наставник сказал мне, что момент настал. Но как туда попасть? В военное время нечего было и думать о том, чтобы отправиться в те края в одиночку. Тут мне внезапно предложили вступить в “Китайские индустриальные кооперативы”. Я снова посоветовался с пожилым настоятелем, и он в подробностях предсказал, что произойдет со мной в последующие несколько лет. Все случилось в точном соответствии с его предсказанием.

Таким образом, в сентябре 1939 года я в качестве члена кооперативов отправился из Шанхая в Чункин, с чего и началось мое долгое путешествие на запад.

Дорога в Чункин в разгар японо-китайской войны была весьма непроста и чревата многими опасностями. Сперва я доплыл до Гонконга на голландском корабле, а оттуда небольшой французский пароход перевез меня в Кайфын. У меня было с собой огромное количество багажа, а в Кайфыне я повстречал группу миссионеров, которых эвакуировали в Чэнду наряду с другими сотрудниками Нанкинского университета. Они везли с собой несметное количество тяжелых ящиков с научными приборами и другими техническими инструментами для университетских нужд. В Кайфыне творилось нечто невообразимое. Американские и английские миссионеры и бизнесмены метались по улицам и набережным, пытаясь отыскать свой багаж в высившихся там и сям гудах ящиков и чемоданов. Площади и парки были запружены требующими перевозки грузовиками и автомобилями всех возможных видов и моделей. Автомобильной дороги в Китай не существовало, так что все грузы отправлялись узкоколейным поездом, который добирался до Куньмина за двое суток. По-французски почти никто не говорил, а французские чиновники не знали английского. Поэтому несчастные миссионеры застряли в Кайфыне, хотя Шанхай они покинули двумя неделями раньше, чем я. Они не в силах были объяснить таможенникам, что за груз они везут с собой, куда они его везут и где он находится, – и, что еще хуже, не могли заполнить по-французски таможенные формуляры. Французские таможенники, обезумев от нашествия толп с чемоданами и баулами и невероятного количества бумаг, с которыми им приходилось иметь дело, просто выталкивали из помещения всех, с кем они не могли объясниться. Я заполнил для миссионеров бумаги, привел их к комиссару таможни и, рассыпаясь в любезностях по-французски, под руку вывел его из конторы и отвел в бар, где – под уничтожающими взглядами моих друзей – заказал все аперитивы, какие там только были. Через полчаса дело было улажено, и после обеда мой багаж и вещи миссионеров были погружены на поезд. Бедные мои друзья были на грани нервного и физического истощения, так что я убедил их поехать со мной в Ханой и ожидать прибытия поезда там. В Ханое я отвел их в замечательный отель “Метрополь” и, чтобы снять напряжение, напоил шампанским, заверив, что в этом напитке нет ни грамма алкоголя. Утром мы в положенное время дождались поезда, а на следующий день после обеда прибыли в Куньмин, прекрасную столицу Юньнани.

Наш багаж перенесли в древний автобус, и я отправился со всем этим грузом в Чэнду. Неприятностей и поломок по дороге было такое множество, что Чэнду я увидел только спустя две с лишним недели. На пару дней я задержался в Чункине, чтобы оформить документ, назначавший меня комендантом складов в Кандине, столице Сикана. В Чэнду я пересел на попутный миссионерский грузовик, направлявшийся в Янь – город, где кончалась автомобильная дорога на Сикан. В ночной темноте грузовик провалился сквозь прогнивший мост, влетев на него на полной скорости. Меня выбросило из машины; приземлился я на голову, по невероятной удаче не сломав шею, хотя головные боли мучили меня еще несколько месяцев. Покинув Янь, мы еще восемь дней шли пешком через устрашающие ущелья Сиканских гор.

Два года, которые я провел в Кандине, или, как его называли в прежние времена, Дацзяньлу, оказались в целом несчастливими, хотя поездки в отдаленные уголки провинции не обошлись без приятных приключений и забавных моментов. Руководство свежесозданной Сиканской провинции было, без всякого сомнения, наиболее прогнившим во всем Китае;

к тому же оно пользовалось фактической независимостью от Чункина. О том, как местные чиновники мешали мне работать и стремились поставить меня в дурацкое положение, можно было бы написать целую книгу. Меня обвиняли сперва в сотрудничестве с японской разведкой, затем в шпионаже для Сталина, затем – для Гитлера; в конечном итоге меня объявили тайным правительственным инспектором. Несколько раз от меня пытались избавиться, но каким-то чудом мне каждый раз удавалось спастись. Наконец меня поместили под домашний арест. К счастью, доктор Кун, министр финансов и президент “Китайских индустриальных кооперативов”, вмешался в дела напрямую, прислав телеграмму и затребовав меня обратно в Чункин. Несмотря на досаду, я вынужден был признать, что пережитый неприятный опыт позволил мне во всех подробностях изучить внутреннее устройство китайской бюрократии в ее наихудшем изводе. В Чункин я вернулся уже не желторотым и неопытным простаком-иностранцем, полным идеалистических чаяний, но настоящим китайским чиновником, чьи знания позволяют ему бороться с любыми махинациями мошенников, которыми так и кишели государственные органы. Среди чиновников Сикана у меня были и друзья, которые – конечно же с глазу на глаз – делились со мной весьма полезными сведениями о хитросплетениях административных интриг.

На приеме у доктора Куна в Чункине я рассказал ему правду. Я знал, что это выведет его из себя; так и случилось. У китайских правительственных чиновников не принято было ставить вышестоящих лиц в неловкое положение, вовлекая их в решение своих проблем. Чтобы спастись от начальственного гнева, требовалось, как в пословице, стать мудрым, точно змея. Другими словами, от чиновника ждали, что он проявит смекалку и перехитрит остальных хитрецов. В глазах доктора Куна я вел себя как очередной глупый европеец, из-за которого трения между могущественной администрацией провинции Сикан и слабым правительством только усиливались – чего последнее старалось всеми силами избежать в эти непростые для страны времена.

– Я хотел бы поработать в Лицзяне, – робко прибавил я в конце приема: хотя я никогда прежде там не бывал, я достаточно слышал о тех местах и надеялся, что мне там понравится. Мой благодетель бросил на меня свирепый взгляд сквозь стекла очков.

– Кто из нас решает, где тебе работать – ты или я? Поедешь туда, куда я скажу!

Отчего-то я не мог избавиться от ощущения, что под напускной строгостью доктора Куна скрывалась доброта. Меня временно приставили к головной конторе “Кооперативов” в Колошане, прелестном курортном городке примерно в тридцати километрах от Чункина – повсеместные бомбардировки обходили его стороной. Наконец я получил приказ переместиться в юньнаньскую штаб-квартиру компании, расположенную в Куньмине. Это был хороший знак: в Куньмине царил намного более приятная атмосфера, чем в Колошане, где плелись бесконечные интриги.

В Юньнани жизнь текла относительно размеренно – контора располагалась в прекрасном храме в двадцати пяти километрах от Куньмина, поблизости от озера Куньмин. Однажды меня послали разведать обстановку в Паошане и Тэньюэ. Не предупредив никого ни словом, я поехал кружным путем с заездом в Лицзян и сразу же понял, что кооперативы следовало бы развивать именно там, а не в Паошане или Тэньюэ, где не было ни стройматериалов, ни рабочих, – оба этих города служили прежде всего перевалочными пунктами для армии и грузовых перевозок. Отразив свои наблюдения в рапорте, я предложил центральному штабу компании послать меня в Лицзян. Мое предложение было встречено сухим отказом. Не принесла результатов и вторая деликатная попытка.

И тут – вопреки всем ожиданиям – это случилось. Пришел приказ от доктора Куна, согласно которому я назначался комендантом складов в Лицзяне. Меня поспешно и без каких-либо церемоний собрали в путь. Денег мне выдали совсем немного, бумаги не дали вовсе; я даже не получил положенной в таких случаях печати. Кроме того, со мной не отря-

дили никаких сопровождающих. После того, что произошло в Сикане, эти признаки показались мне зловещими. Все выглядело так, будто меня отправляли не столько в командировку, сколько в ссылку. Обычно отъезд новых комендантов в провинциальные города сопровождался изрядной суетой – для них готовились запасы гербовой писчей бумаги, выделялись денежные фонды, а в сопровождение назначались опытные секретари. Я готов был поручиться, что кто-то из начальства просто решил от меня избавиться. Единственным человеком, которому было позволено сопровождать меня на новый пост, оказался мой старый повар Лао Вон, но секретаря он заменить никак не мог.

Позднее я выяснил, что среди китайцев на пост в Ли-цзяне претендентов не нашлось. Причин тому, что они не хотели туда ехать, было множество. Места эти были слишком отдаленными – они воспринимались как нечто за пределами Китая, “внешняя тьма”, ничейная земля, затерянная среди варварских племен, даже не говоривших по-китайски. С едой, судя по рассказам путешественников, там – по меркам утонченных китайцев – творилось нечто невозможное. Местные жители питались продуктами, которые в Китае считались фактически несъедобными: бараниной, говядиной, кислой капустой, ячьим маслом и сыром. Хуже того, всю пищу готовили на ячьем масле. Множество китайцев, служивших в Лицзяне, были заколоты ножом или убиты иным образом, и ходить по улицам, переполненным жестокими, звероподобными дикарями с ножами и кинжалами у пояса, готовыми пустить их в ход в любой момент, было опасно. Отчего бы не послать туда сумасшедшего иностранца? Выживет – хорошо; не выживет – сам виноват: зачем он туда просился? Были и другие, более тонкие соображения. Мой непосредственный начальник меня недолюбливал. Сместить меня с поста безо всякой причины он не мог – это выглядело бы как тонко завуалированное оскорбление в адрес доктора Куна. Ни к чему было действовать так грубо. Но если послать меня в Лицзян одного, не приставив ко мне никого, кто мог бы помочь мне и направить меня, и почти не дав мне денег, много ли я смогу добиться в этой странной, негостеприимной и опасной стороне? Скорее всего, я буду напуган до потери чувств и через месяц-два с радостью вернусь обратно, униженно признавая свое поражение и умоляя приютить меня в мирной и безопасной штаб-квартире фирмы. Но к тому времени судьба моя будет решена: сперва неудача в Сикане, а теперь и в Лицзяне!

И тем не менее меня охватило радостное возбуждение, поскольку я давно хотел попасть в Лицзян и знал, что смогу добиться успеха в своей работе, невзирая на все, что обо мне говорили или думали. Вооруженный некоторым опытом, я также твердо вознамерился пользоваться всеми принципами и советами, впитанными мной за долгое время проживания в великом даосском монастыре у Западного озера. Я стал одним из немногих задержавшихся в Китае иностранцев, пытавшихся руководить деятельностью “Китайских индустриальных кооперативов” на периферии. Остальные либо уехали по собственной доброй воле, либо вынуждены были бросить работу в результате интриг. Это были честные идеалисты, энергичные люди, искренне преданные своему делу. Все они хорошо говорили по-китайски, однако в недостаточной степени постигли сущность китайского характера и не смогли приспособить к нему свои методы работы. Поначалу их энергичный подход вызывал у китайцев, заинтересованных в кооперации, немалый энтузиазм, но прочие особенности их поведения вскоре сводили этот энтузиазм на нет. Они не чувствовали моментов, когда следовало не надавить, а притормозить, не говорить, а помолчать. Вместо того чтобы ловко обходить те или иные препятствия, они шли напролом, что приводило к серьезнейшей “потере лица” как среди их друзей, так и среди врагов – чего в Китае следует избегать любой ценой, если не желаешь вызвать в свой адрес безрассудную, неудержимую, разрушительную ненависть. Но больше всего им мешало отсутствие интуитивной способности отделять зерна от плевел в отношениях с китайцами самых разных социальных слоев. Иностранцу, не обладающему таким шестым чувством, в Китае приходилось туго. Жизнь и взаимоотношения

между людьми в этой стране устроены совсем не так, как кажется на первый взгляд. Успеха добьется только тот, кто сможет разгадать тайный смысл тамошней жизни и присущих ей взаимоотношений.

Таким образом, я оказался в числе “последних из могижан”, и в этом положении, как научил меня даосизм, следовало практиковать недеяние. Вопреки тому, что думают многие жители Запада, чей разум не способен вместить в себя учение даосизма, это вовсе не означает полную пассивность, отсутствие любых действий и любой инициативы. На самом деле это означает, что вы принимаете в жизненном процессе активное участие, но не пытаетесь противостоять потоку событий, а вливаясь в него, чтобы избежать поглощения и уничтожения. Многие препятствия, борьба с которыми грозит окончиться печально, в действительности можно обойти. Не стоит слишком много умничать и настаивать на своем. В Китае умники, которые постоянно во все вмешиваются, вызывают огромную неприязнь; им всегда исподтишка ставят палки в колеса. Китайцы не терпят тех, кто открыто идет на конфликт. Выиграв спор, можно потерять друга. Даосизм учит: с тем, кто не вступает в ссоры, никто не сумеет поспорить. Еще одно полезное изречение – “Кто не забирается высоко, тот и не упадет” – вовсе не отговаривает от любого продвижения вперед, но подразумевает, что двигаться следует осторожно и осмотрительно, шаг за шагом. Как учил меня мой наставник, не стоит поспешно карабкаться по расшатанной лестнице – положение в обществе следует выстраивать вдумчиво и постепенно, только тогда оно окажется прочным и принесет успех и уважение.

Даже обладая всеми необходимыми знаниями и опытом, быть иностранцем на службе у китайского правительства было непросто. Несмотря на все возможные рекомендации из Чункина и Куньмина, мне предстояло еще и каким-то образом убедить местные власти и население, что я действительно подхожу на свой пост лучше, чем кто бы то ни было другой, – в особенности в политическом отношении.

Итак, я отправился в Лицзян, заранее догадываясь, что местные жители, недоумевая, зачем я приехал и чего я хочу добиться, будут рассчитывать, что вскоре я несолоно хлебавши уеду обратно. Навверняка того же от меня с уверенностью ожидали и в штаб-квартире в Куньмине.

Глава I

Путешествие с караваном в Лицзян

Дорога в Лицзян начинается в Куньмине, шумной столице провинции Юньнань. Около четырехсот километров отделяет Куньмин от Сягуаня, куда ведет знаменитая Бирманская дорога. От Сягуаня до Лицзяна – еще по меньшей мере двести пятьдесят километров по караванной тропе.

В те годы перспектива путешествия по Бирманской дороге наполняла меня ужасом. Хотя это замечательное шоссе представляло собой настоящее техническое чудо и поддерживалось в неплохом состоянии, славилось оно не только невероятно живописными видами, но и числом погибших там людей. Бирманская дорога проходит по нескольким горным грядам высотой около трех тысяч метров, и ехать приходится то по крутейшему серпантину, то вдоль головокружительных обрывов. Впервые я проехал по ней вскоре после того, как завершилось ее строительство, и увиденные мной тогда бесчисленные грузовики на дне глубоких ущелий, смятые до полной неузнаваемости, до сих пор стоят у меня перед глазами. В военное время дорога была жизненно важной артерией, по которой в Китай шли военные грузы и товары. Большинство шоферов были китайцами, в основном – приезжими из прибрежных регионов, где ландшафт преимущественно равнинный. Потребность в шоферах была такой острой и неутолимой, что армия и коммерческие фирмы готовы были нанимать всех подряд, независимо от наличия прав – достаточно было продемонстрировать, что умеешь водить. Платили шоферам хорошо, да и на стороне можно было заработать тысячи долларов. Непривычные к вождению в высоких горах, где погода бывает весьма капризной, а дорога часто идет под уклон или изгибается под невозможно острым углом, сотни таких шоферов погибали на первом же маршруте. Я неоднократно видел своими глазами, как шедший впереди грузовик падал с обрыва, и кровь стыла у меня в жилах от звука удара, эхом отражавшегося от стен глубокого ущелья. Многие шоферы, не принимая во внимание советов более опытных коллег, в сильный дождь упрямо пытались проехать известные своей опасностью места – и погибали под оползнями. Почти все грузовики были нагружены сверх меры; перед отправкой их часто никто не осматривал, и нередко были случаи, когда на крутых подъемах у грузовика отказывали тормоза, после чего он скатывался задом прямо в пропасть. Дорога таила в себе бесчисленные опасности для путешествующего, даже если не учитывать постоянной угрозы нападения бандитов.

Я обзавелся мудрой привычкой обходить старые коммерческие фирмы в Куньмине, прежде чем расплатиться за поездку, и расспрашивать, какие из грузовиков, направляющихся в Сягуань, поведут наиболее надежные шоферы. Чтобы не попасть под японскую бомбежку, грузовики обычно стартовали до рассвета с какого-нибудь неприметного места на окраине. Поверх основного груза укладывали багаж, а пассажиры – обычно двадцать – тридцать человек, мужчины, женщины и дети, – усаживались на самом верху. Когда грузовик доходил до подъема, который ему не под силу было одолеть, мы слезали вниз и толкали его – машина медленно вползала в гору, пыхая из радиатора паром, словно локомотив. Спускаясь вниз по крутым виражам горной дороги, шофер обычно ставил двигатель на нейтральную передачу, чтобы сэкономить бензин, и тогда нам оставалось только тихо молиться. Дорога длиной в двести пятьдесят километров обычно преодолевалась за три-четыре дня, с ночевками на придорожных постоялых дворах.

Сягуань представлял собой непривлекательное, продуваемое всеми ветрами место, окруженное голыми неприступными горами. Как и в Куньмине, здесь кипела жизнь – по городу разъезжали на джипах китайские, американские и британские военные, купцы

отправляли и принимали товары на грузовиках и лодках, а по улицам толпами слонялись носильщики, шоферы и просто бездельники. Сягуань славился тем, что там водились на удивление крупные и живучие клопы.

Отсюда можно было отправиться в Лицзян либо с караваном, либо пешком. И то и другое я проделывал не раз, но особенно ярко мне запомнилось, как я, уже прожив в Лицзяне достаточно долго, возвращался туда с караваном. Это было весной, когда погода в тех краях стоит сухая и не такая жаркая, как в летнее время.

После прибытия в Сягуань я распорядился, чтобы мой багаж отнесли в дом к другу. Созвали караванщиков; они сосчитали грузы и разделили их на партии. Затем началась торговля, которая продолжалась около двух часов – хитрецы то и дело притворялись, будто отказываются от моего предложения, и уходили, но через некоторое время неизменно возвращались, всякий раз снижая цену то на пятьдесят центов, то на доллар за каждый груз. Наконец мы договорились, уплатили залог в один доллар и вздохнули спокойно. Вскоре появились крепкие женщины народности миньцзя, которые перенесли наши ящики и чемоданы на лодки. Вечером, после сытного ужина, мы пошли проверить багаж – он к тому времени был аккуратно уложен в большой лодке. Когда вышла луна, над лодкой поднялся огромный парус. Мужчины и женщины принесли местные мандолины и гитары, а также тарелку сыра и большой кувшин вина. Пока они играли и пели, мы угощались вином. Наконец лодка отдала швартовы и заскользила по бескрайней серебристой глади прекрасного озера Дали, а за ней последовали и другие грузовые лодки – мы провожали их взглядом, пока они не скрылись в темноте; нам предстояло проделать тот же путь на автобусе.

Проснувшись рано утром, я позавтракал местной ветчиной и мягким сыром с лепешками “баба” (для сдобности в тесто добавляют масло и обрезки ветчины), запивая их тибетским масляным чаем. Пришел мой слуга-наси по имени Хоцзучи; мы собрали нашу ручную кладь и пухай (постель) и сели на скрипучий, переполненный автобус, который за час довез нас до Дали. Этот город многие считают одним из красивейших в мире, однако мне он никогда не нравился. После того как его разрушило землетрясение, он так и не оправился до конца – в воздухе витал дух запустения и смерти. Мы проехали сквозь южные ворота и быстро пересекли город, достигнув северных ворот. Там нас поджидали толпы извозчиков на “колесницах”, запряженных одной-двумя лошадьми. Мы сторговались о цене, погрузили, как смогли, наш багаж и втиснулись в полную пассажиров телегу. Я называю их “колесницами”, поскольку мне кажется, что нигде больше в мире подобные средства передвижения не водятся. Это были продолговатые деревянные коробки без передней стенки и с двумя скамейками для сидения внутри, поставленные на два колеса со старыми резиновыми шинами и затененные голубым навесом. Они выглядели настолько примитивно, что при виде них я каждый раз представлял себе, как фараон посылает нечто подобное за стариком Иаковом, желая призвать его в Египет. Дорога скорее напоминала тропу, петляющую среди огромных камней; местами ее пересекали горные ручьи, через которые никто не потрудился построить мостов, и наше сооружение, скрипя и качаясь из стороны в сторону, несло сквозь все это со всей скоростью, на какую были способны две запряженные в него крепкие лошади. Я предусмотрительно сел впереди. Иногда нас трясло до того сильно, что пассажиров подбрасывало до самого потолка, так что один из них едва не раскроил себе голову. После обеда мы, все в синяках и царапинах, наконец добрались до пункта назначения – Тамакая, на другой стороне озера Дали. Единственным достоинством этой поездки была возможность любоваться красотой озера, которое сияло, словно изумруд в оправе из синих гор.

В Тамакае нас тут же встретил караванщик, который отвел нас к себе в дом. Остальные пассажиры уже собрались там же. Нас разместили со всеми удобствами и сообщили нам, что наш груз и вещи скоро придут – лодки уже показались на горизонте. Недавно построенный дом сверкал красотой. Деревянные двери, столбы и мебель были покрыты искусной

резьбой. Вскоре нас пригласили на превосходный ужин, за которым было выпито немало кувшинов отличного вина. Кровати были накрыты яркими, как драгоценные камни, тибетскими коврами, поверх которых мы расстелили привезенные с собой постели.

Разбудили нас в четыре часа утра. Пока мы спешно завтракали, снаружи то и дело доносились крики и удары гонга. Грузы накрепко привязали к деревянным рамам и разложили по двору, и теперь погонщики, сыпля непечатными ругательствами, затаскивали во двор упирающихся мулов и лошадей. Мужчины по двое поднимали грузы и наскоро прикрепляли их к деревянным седлам, потом лошадей отпускали на улицу. Мою ручную кладь быстро привязали к такой же раме, а из постели сложили подушку, после чего всю эту конструкцию водрузили на лошадь, а затем подняли и усадили сверху и меня самого – и выгнали лошадь со двора, крикнув мне вслед, чтобы я пригнулся, проезжая под воротами. Улица постепенно заполнялась другими участниками каравана, выезжающими из соседних дворов. По удару гонга вывели ведущую лошадь в упряжи, разукрашенной красными лентами, помпонами и зеркальцами на лбу. Лошадь прошла вперед, оглянулась и, убедившись, что все готовы, быстрым шагом двинулась по дороге. За ней тут же последовала вторая по старшинству, менее ярко украшенная, но не менее уверенная в себе лошадь. Весь караван немедленно пришел в движение и выстроился за ними в колонну. За лошадьми побежали и караванщики, одетые в яркие синие куртки и широкие брюки. Их головные уборы представляли собой живописные широкополые шляпы из прозрачного шелка, не промокающего в дождь, с разноцветными лентами.

Я не переставал поражаться скорости, с которой двигался наш караван. На равнинах или под гору лошади бежали довольно быстро, а погонщики зорко следили за ними, не давая им замедляться без уважительной причины. Животных постоянно подгоняли при помощи самых непристойных ругательств, подкрепляя их бросанием камешков и комков засохшей грязи. После напряженного трехчасового перегона мы добрались до тихого ручья, рядом с которым раскинулся зеленый луг. Караван остановился, грузы были развьючены и уложены в ряд, затем началось приготовление обеда в больших медных котлах. Лошадей расседлали, накормили и напоили. Освободившись от груза, они со ржанием и визгом катались по траве. Плата за караван включала питание и проживание, так что всем нам выдали миски и палочки, и мы сели обедать вместе с караванщиками. Все устроились рядом друг напротив друга, угощаясь мясом и рисом из больших мисок, поставленных посередине. Караванщики не давали никому садиться в конец ряда: они были невероятно суеверны и считали, что если пассажир сядет в конец, “пути не будет” – в дальнейшей дороге случится какое-нибудь несчастье.

Ближе к вечеру мы добрались до Ньюкая, где караван разделился на три части, каждая из которых остановилась в своем караван-сараяе. Нас поселили наверху и снова накормили. После ужина мы решили искупаться в большом горячем источнике, которым славилась деревня, но выяснилось, что бассейн полон прокаженных. Я лег спать, но уснуть так и не смог. Лошади на нижнем этаже жевали овес с таким шумом, будто там вертелось большое мельничное колесо, по лицу время от времени пробежали большие крысы, а рассевишиеся вокруг костра караванщики болтали, не прерываясь ни на секунду, до самого утра.

На другой день мы преодолели высокие, заросшие лесом горы по перевалу, где на караваны часто нападали банды грабителей. На дороге в Лицзян таких мест было несколько. К вечеру мы приехали в Тяньвэй, а на следующее утро миновали Цзяньчжуан. Здесь, между Дали и Цзяньчжуаном, некогда располагались древние королевства миньцзя, достигшие вершины своей славы в момент основания великого государства Наньцзяо, которое впоследствии завоевал и разрушил Кубла-хан. Откуда на этих землях появился народ миньцзя – никому не известно. Единственный достойный внимания труд о миньцзя, “Башня пяти венцов” Фицджеральда, дает представление об их обычаях и верованиях, но не раскрывает

тайну их происхождения. Возможно, как заявляют некоторые из них, они действительно бежали когда-то из Ангор-Торна, но для подтверждения этой версии потребуются серьезные исследования.

Цзяньчжуан представлял собой небольшой, обнесенный стеной городок с унылыми, серыми улицами. Ресторанов было всего два, да и они открывались только в базарные дни. Цзяньчжуанские миньця славились своей неприветливостью. И мужчины, и женщины одевались исключительно в черное и не могли похвастать обычной для этого народа веселостью и беззаботностью.

Дорога шла вдоль реки и наконец достигла места, откуда между гор уже виднелась заснеженная Лицзянская гряда – ее пики и ледники, до которых оставалось еще восемьдесят километров, блестели на солнце. Широкая долина, засаженная озимой пшеницей, начинала сужаться. Вскоре мы взобрались на небольшой холм, увенчанный белой пагодой, а оттуда спустились к живописным воротам. Мы добрались до границы между древними королевствами миньця и королевством наси, также известным как Му или Лицзян.

Очень скоро мы прибыли в деревню Цзюэхэ, где в тот день был рынок. Улицы были заполнены миньця из Цзяньчжуана и Верхней долины, наси и другими народностями из округи. Мы повстречали множество друзей, приехавших на рынок, – в том числе лам, студентов-наси и нескольких женщин из Лицзяна, которые собирались там торговать. Обедая яичницей и вяленой говядиной и запивая их цзяньчжуанским мятным вином, мы увидели отца А Гу-и с одним из его сыновей. Мы давно подружились, и его семья принимала меня почти как родного. Это были одни из первых миньця, с которыми я близко сошелся, обосновавшись в Лицзяне. Как-то раз я отправился в мебельную лавку заказывать скамейки и познакомился там с молодым плотником, миньця по имени Цзе Гуань, и его сестрой А Гу-ей – они привезли в Лицзян товар на продажу. Цзе Гуань и А Гу-я начали бывать у меня в гостях, и я останавливался у них всякий раз, как проезжал мимо их дома по дороге в Дали или обратно. А Гу-я была девушкой энергичной и напористой, так что мне всегда казалось, что она намного больше подходит на роль главы семьи, нежели ее мягкий, спокойный отец или тихая, скромная мать.

Отец А Гу-и ждал нашего приезда и предложил нам направиться прямо в дом, стоявший на дальнем краю долины, – там для меня уже была подготовлена лошадь. Сам он собирался приехать позже вечером. Наш караван снова потянулся сквозь зеленые поля в сторону высоких, поросших лесом гор. Дорога сужалась, ехать стало тесно. Мы медленно, но верно поднимались в гору, и воздух становился прохладнее, чище. Вожак каравана начал бить в гонг, и эхо его тягучих звуков покатилося по долине.

На узких, кривых горных тропах каравану было не обойтись без гонга. Навстречу могли попасться крестьяне с тяжелыми корзинами или другие караваны, так что гонг предупреждал возможные столкновения. При скорости, на которой они передвигались, неожиданная встреча двух караванов могла закончиться для обоих катастрофой. Последствия были бы хуже, чем если бы столкнулись два поезда. Гордые, ревнивые лошади-вожаки, не желая уступать друг другу ни пяди, завязали бы драку и попытались бы столкнуть друг друга в глубокую водоотводную канаву у дороги или прижать к острым камням оврага. Остальных лошадей тоже было бы не остановить. Они с визгом бросились бы друг на друга, толкаясь и сбрасывая грузы и пассажиров. К моменту, когда караванщикам удалось бы с проклятиями их разнять, место встречи выглядело бы как поле битвы: тюки были бы разбросаны, хрупкий товар – к примеру, посуда – разбит на кусочки, а ошеломленные пассажиры, прихрамывая, выбирались бы из-под завалов, проверяя на ощупь, все ли кости у них целы. Заслышав звуки гонга, пеший путник спешил убраться с дороги и переждать караван где-нибудь на обочине – иначе лошади могли бесцеремонно спихнуть его в канаву или отдавить ему ноги.

Наконец мы прибыли на край долины, обрамленный отвесными горами. Караван снова разделился на несколько частей и разошелся по условленным караван-сараям. Мы попрощались с главным караванщиком и дали ему указания, касавшиеся доставки нашего багажа в Лицзян. Караванщикам никогда не платили вперед: они восприняли бы это как величайшее оскорбление. Полагалось дать лишь небольшой залог – доллар или около того; полная сумма выплачивалась на следующий день после прибытия. Товары и багаж не свозились на какую-нибудь станцию или в депо, но распределялись по домам или складам хозяев груза самими караванщиками, которые также гарантировали сохранность груза, исключая случаи, когда в ход перевозки вмешивалась стихия или своеволие бандитов. Последний отрезок пути в Лицзян был в этом смысле наиболее опасным – среди окружавших его диких скал скрывались самые страшные разбойничьи шайки.

Дом А Гу-и стоял в горах над дорогой, по которой проходили караваны. Сама она – крепко сложенная девушка около двадцати двух лет от роду, с круглым лицом и румяными щеками – уже поджидала нас. Как все женщины народа миньцзя в этой части долины, одета она была в синюю блузу, доходившую до лодыжек и подпоясанную широким поясом, и синие штаны. Ее головной убор состоял из хитрым образом переплетенных платочков – синего, красного и белого. Платочки были завязаны у висков так, что кончики их торчали кверху, будто кошачьи ушки. Меня всегда приводил в восторг этот кошачий вид девушек миньцзя, и я часто говорил им, что они напоминают мне кошек, наряженных в цвета голландского народного костюма. А Гу-я ушла на кухню, где уже возилась ее мать.

Ее отец и брат по имени А-цэн вернулись с рынка поздно. Старик извинился, пояснив, что по дороге заехал к начальнику стражи – договориться, чтобы тот отрядил десять человек, которые сопровождали бы меня утром следующего дня.

– В горах орудует большая банда – на прошлой неделе ограбили караван, – сообщил он.

– Что ж, если банда и в самом деле большая, десять парней с ней не справятся, – ответил я. – Лучше поеду один, с Хоцзучи, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания, а может, и А-цэна захвачу, если он согласится.

После долгих переговоров мы наконец сошлись на том, что я, дабы не уронить своего престижа, поеду в сопровождении пяти стражников.

При свете миньцзе – сосновых лучин, горевших на специальных глиняных подставках, – мы сели ужинать. На огонек зашли еще несколько друзей-миньцзя. Хозяева принесли большой кувшин вина для всех и небольшой кувшинчик для меня.

– Это твое любимое иньцзю – медовое вино, – пояснил отец семейства. – Купил на прошлой неделе в Ли- цзяне специально для тебя.

На столе появились традиционные блюда кухни миньцзя – все, в соответствии с традицией, в небольших пиалах. Там была домашняя ветчина, жареная курица, жареные водяные каштаны, маленькие рыбки, печеные угри, жареная картошка и соленая свинина. Вокруг раздавались шутки и смех; несколько человек достали мандолины. Мелодичная, немного монотонная музыка и печальное пение доставляли мне несказанное удовольствие. Песни были очень романтичны – все они рассказывали о любви, красавицах и смельчаках. Каждый раз, когда А Гу-я приносила новые блюда, один из молодых людей за столом заметно краснел.

– Это, должно быть, будущий муж А Гу-и? – толкнул я локтем А-цэна. Громкий смех присутствующих заставил молодого человека залиться краской; кивки соседей подтвердили мою догадку.

Раннее утро выдалось очень холодным – на траве лежал иней. Мы плотно позавтракали. Я взобрался на приготовленную для меня дикую тибетскую лошадку, Хоцзучи привязал к седлу корзину с едой и ручную кладь, и мы двинулись в путь. Почти сразу же тропа привела нас к отвесному утесу. Вдоль него шла извилистая мощеная дорога, под весьма крутым углом поднимавшаяся вверх сквозь кустарник. Я спешил и, отделившись от Хоц-